

© 1990 г.

П. А. ПЛЮТТО

А. А. БОГДАНОВ О «ВОЕННОМ КОММУНИЗМЕ»

ПЛЮТТО Петр Александрович — научный сотрудник Мосгорархива. В нашем журнале публикуется впервые.

Вошедший в учебники термин «военный коммунизм» впервые употребил в в 1917 г. ученый-энциклопедист, философ и общественный деятель Александр Александрович Богданов (1873—1928). Лишь в последнее время его имя, незаслуженно забытое, начинает привлекать внимание ученых разных специальностей, включая социологов и экономистов. Так, в 1989 г. издательство «Экономика» выпустило книгу «Тектология - всеобщая организационная наука» [1], предвосхитившую в некоторых своих положениях современную теорию систем.

14 сентября 1922 г. на заседании Социалистической академии общественных наук¹, членом которой А. А. Богданов являлся со времени ее основания в 1918 г., в заключительном слове к своему докладу «Версальское устроительство», он отмечал: «Товарищи, в декабре 17 года я делал публичный доклад, где я говорил, что у нас военный коммунизм. Это было напечатано в январе 18 года. Но в официальной литературе это было сказано в апреле 21 года» [2, С. 149]. Указывая на январь 1918 г., А. А. Богданов имеет в виду статью «Судьбы рабочей партии в нынешней революции», которая была опубликована в двух номерах (26-27 января) социал-демократической газеты «Новая жизнь».

Статья начинается афоризмом Спинозы, который А. А. Богданов не раз приводит и в других своих трудах: «Не плакать, не смеяться... а понимать». «Среди хаотического потока событий, среди бешеного вихря страстей,— пишет Богданов,— нелегко исполнять завет великого учителя. Но для меня, беспартийного социалиста, работника науки и культуры, это все же должно быть менее трудно, чем для политических деятелей, увлеченных борьбой».² Богданов говорит об изменении слагаемых революции 1917 г. сравнительно с 1905 г.: «Это изменение символизируется в солдатской форме, облекающей наиболее активную в революции, до сих пор решающую во всех ее этапах часть крестьянства. Будущий историк охарактеризует нынешнюю революцию как — в деревне крестьянскую, городах - рабоче-солдатскую, и притом солдатскую по преимуществу» [3]. Анализирует он и составляющие гигантской экономической разрухи - «основной черты обстановки». И далее: «Мировая война изменила и самое строение общества, а с ним - природу общественных сил. Это произошло путем колоссального развития военного коммунизма» [3].

«Военный коммунизм», по Богданову, определяется факторами катастрофы в милитаризации: «Коммунизм этот является в основе своей потребительным, но, применительно к потребностям распределения, может включать и регулирование

1 С 1924 г.— Коммунистическая академия.

2 Стенограмма доклада с авторской правкой хранится в архиве АН СССР (Ф. 350. Оп. 2. Д. 20, ЛЛ. 1-42).

производства, а также принудительную трудовую повинность. Готовые формы для этого коммунизма давала гигантски разросшаяся организация армии... С развитием войны принципы пайка и казармы распространялись на все большую часть населения; следом за ними шло регулирование цен и сбыта, затем монополизация продуктов и регулирования производства» [2, с. 120].

Как видим, А. А. Богданов вкладывал в термин «военный коммунизм» более широкий теоретический смысл, чем современные определения, тесно связывающие «военный коммунизм» со сравнительно коротким хронологическим периодом. Мы, очевидно, имеем дело с попыткой понять и объяснить весь тот «слом времен», огромный по масштабу и глубине, какой представляет собой эпоха первой мировой катастрофы, где сама война занимает не только пиковую, но и определенную часть далеко идущего кризиса.

Этот теоретический аспект исследований Л. Л. Богданова не поняли даже современники. Вот что возражал Богданову соавтор Н. И. Бухарина по «Азбуке коммунизма» Е. А. Преображенский: «Оказывается, что у нас военный коммунизм был осуществлен армией или главнейшее участие в его осуществлении принимала армия. Прежде всего, это исторически неверно, потому что у нас были две армии - демобилизовавшаяся армия Керенского и Красная Армия, которую мы создали в процессе гражданской войны. Позвольте задать вопрос: когда сложился наш военный коммунизм? Сложился ли он в результате разложения армии Керенского или сложился во время другой войны? Наш военный коммунизм сложился не в мировой войне, а он сложился в гражданской войне» [2, с. 138], - подводил итог критик, не замечая спорности строгого деления «военного коммунизма» на «наш» и «чужой» (т. е. «военный коммунизм» Керенского и прочих). Еще более «опрактичил» концептуальный смысл богдановских рассуждений председательствовавший на заседании В. П. Милютин: «У нас военного коммунизма в 18 году не было и всеобщей национализации не было... Затем исторически это произошло не так, как т. Богданов указывает, и поэтому его объяснение, что военный коммунизм возникает только на почве истощения и милитаризма — неверно. Да ведь первые страны, которые начали вводить централизованное распределение, не были еще истощены - ни Англия, ни Германия» [2, с. 146].

Однако сам А. А. Богданов говорил явно о другом: «Тов. Милютин не заметил, что я говорил: два момента определяли военный коммунизм. Первый — момент катастрофы, это момент, который сделал необходимым военный коммунизм и в России, больше, чем где-либо; этот момент определил существо дела; и затем другой, формальный: надо ведь осуществить коммунизм. Но кто его осуществит? Тот, кто сумеет... Буржуазия Германии, которая заранее рассчитывала вести войну несколько лет, сама вводила коммунизм, насколько было неизбежно, сохраняя основы капитализма. В России дело происходило более стихийно. Но тем не менее, необходимость военного коммунизма в России, конечно, почувствовалась уже с половины 15 года, когда достаточно наметился кризис» [2, с. 148].

В письме к своему другу В. А. Базарову от 1 января 1918 г. А. А. Богданов упоминает о том, что «Судьбы рабочей партии в нынешней революции» первоначально были прочитаны в виде лекций в Москве 29 декабря 1917 г.³ На родившуюся из этой лекции упомянутую статью Александр Александрович затем не раз ссылается как на основную, данную им, характеристику эпохи «военного коммунизма»⁴.

Говоря о мировоззрении А. А. Богданова, в первую очередь необходимо под черкнуть его цельность. Интересно проследить, например, насколько соответствуют

3 ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС (Ф. 259, Оп. I, Д. 58, Л. I). Александр Александрович активно работал в это время как лектор культурно-просветительского отдела Московского Совета рабочих депутатов, а также в качестве лектора московского Пролеткульта.

4 См., например, письмо А. А. Богданова в редакцию газеты «Новый луч» от 10 января 1918 г.; в тексте ошибочно - 1917 г. (ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС. Ф. 259, Оп. I, Д. 56, Л. 1).

методологические основы «Судей рабочей партии...» положениям «Тектологии» - «дела жизни», как определял Богданов этот свой труд⁵.

Н выпущенной в 1918 г. брошюре «Вопросы социализма» Александр Александрович пишет: «Исследователям происходящего на наших глазах переворота в социальной жизни чужда до сих пор научно-организационная точка зрения. Только вследствие этого они игнорируют факт огромного масштаба, имеющий сильнейшее влияние на ход экономического и идейного кризиса, - на врезающуюся в систему капитализма военно-коммунистическую организацию, на ее рост и распространение с фронта на тыл» [4 с.75]. В «Судьбах рабочей партии...» он формулирует уже вполне конкретный закон: «Общая организационная теория пока еще только создается⁶, но в ней уже есть выводы, которые можно считать несомненными, один из них таков: если целое составлено из разнородных частей, выше и ниже организованных, то практически оно определяется частью ниже организованной. В механике это будет часть менее прочная, в социальной жизни - более отсталая и т. п. Например, прочность цели определяется не наиболее крепким, а наиболее слабым звеном [3]. Найдем соответствующий абзац в самой «Тектологии»: «Пусть, например, имеется партия "блокового" состава, два крыла которой образованы двумя общественными слоями или классами - более передовым и более отсталым. Какой из двух окажется на деле определяющим для программы и тактики партии? По схеме наименее благоприятных условий - более отсталый. Решение непривычное и даже неожиданное, потому что, по-видимому, большей частью передовой класс или слой „ведет" за собой отсталый, по преимуществу вырабатывая лозунги, выдвигая руководителей и проч. Да, но реальным пределом лозунгов и руководства является именно то, на что еще может соглашаться отсталая часть целого; при попытках же идти дальше блоковая связь начнет последовательно разрываться, как разрывалась бы в походе связь отряда, состоящего из пехоты и кавалерии, если бы кавалерия не ограничивала себя скоростью пехоты» [5, с. 221].

Это принципиальное положение А. А. Богданов развивает на конкретной почве исторического момента: «В рабочей - солдатской партии крыло более отсталое, политически ниже организованное, это солдатское. Поэтому рабочее крыло и должно приспособляться к его уровню, точке зрения, методам. В политике рабоче-солдатская партия есть на деле - просто солдатская. Так это все время и наблюдается» [3]⁷.

В эпоху «военного коммунизма» (в богдановском ее понимании) после достижения мира встала задача «широкого экономического и культурного строительства». Но система «военного коммунизма для такого строительства оказалась мало пригодна. Ее методы тут недостаточны, - пишет Богданов, - и зачастую прямо не подходят» [3]. В качестве примеров он приводит «ударную тактику» освоения банковской сети и судебных учреждений, искусственное «военно-коммунистическое» уравнивание чиновничества и офицерства «заработной платой обученного рабочего» и проч.⁸. «Вера в декрет, - замечает он далее, - есть, в сущности, перенесение на социальную жизнь идеи приказа, который в солдатской жизни действительно все определял и все мог. В общеэкономической и культурной жизни это далеко не так» [6].

5 См. письмо А. А. Богданова в редакцию газеты «Новая Жизнь» [очевидно, В. Десницкому (Строеву) по поводу напечатания своих статей «Государство-коммуна» и «Опасные мечты» (ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС. Ф. 259, Оп. 1, Д. 53, Л. 5)].

6 Впервые «Тектология» полностью увидела свет в 1922 г.

7 Здесь же Богданов отмечает: «Характерно, что почти повсюду сливались Советы Рабочих и Советы Солдатских Депутатов, но почти нигде — Солдатских и Крестьянских... Поразительны легкость и быстрота, с которой произошло это объединение. Она объясняется еще иной, общей для обеих сторон почвой, скрытой более глубоко в их природе». Этот вывод сделан А. А. Богдановым в письме к А. В. Луначарскому от 19 ноября 1917 г. (ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС. Ф. 259. Оп. 1. Д. 57. ЛЛ. 2-10).

8 «...Если военно-коммунистические формы жизни порождали массовый уклон к «социализму», - говорит автор „Судей рабочей партии." - то лишь в таком его понимании, какое соответствует мелкобуржуазному способу мышления, — „к социализму" дележа или поравнения» [3].

Противопоставление Богдановым «военно-коммунистической точке зрения» «рабоче-социалистической» помогает понять сам смысл, который он вкладывал в понятие «социализм», подразумевая под ним в первую очередь общность производства, но отнюдь не распределения и потребления: «Социализм рабочий есть в основе своей коллективизм производства: „социализм“ же солдатской партии есть идейное отражение того военного коммунизма, в котором живет солдатская масса, т. е. это прежде всего и главным образом коммунизм потребления. Эти коренные черты выступают в массе факторов и объясняют очень многое в кажущихся странностях и противоречиях политики момента» [6].

Оглядываясь назад, мы видим, насколько верным оказалось предсказание Богдановым победы в рабоче-солдатской партии тенденций «военного коммунизма». Достаточно ясно видел он и возможность гибели побежденного «рабочего крыла»: «Когда дело мира будет завершено, и может быть еще раньше, - если ничто не будет особо ему угрожать, произойдет разделение большевизма, и его рабочее крыло станет рабочей партией... Можно только пожелать, чтобы это случилось как можно скорее, и произошло как можно более мирным путем. Есть тревожные признаки, заставляющие опасаться противоположного» [6].

Несколько иные, на наш взгляд, важные выводы были сформулированы А. А. Богдановым в 1922 г.: «Военный коммунизм в России в своих лозунгах сложился до октября, - подчеркивал он на прениях в Социалистической Академии, - и провела его по существу действительно армия, та самая, которая разлагалась, потому что именно она свергла все. Кто сверг буржуазию и организовал новый порядок? Конечно, пролетариат. А руками кого он вел борьбу? Мог бы он разве своими силами преодолеть сопротивление всех буржуазных сил?..

Но пролетариат, - замечает Богданов своим оппонентам, - как вы правильно говорите, был в высшей степени осторожен вначале: и я помню, еще в 18 г. Ленин пытался подготовить почву для той мысли, что пока нужен еще только государственный капитализм. Да, осторожность была. Мне известно, как чувствовали себя большевики, когда власть попала в их руки. Первое ощущение было вроде растерянности. Это были люди, на которых история налагала гигантское бремя. Они старались действовать осторожно, но военно-революционная необходимость развивалась, и она их заставляла, жизнь заставляла так действовать. Все было результатом необходимости» [2, с. 149].

Мы уже видели, что Богданов вкладывал особый смысл не только в термин «военный коммунизм», но и в определение «государственный капитализм», находя скрытое взаимопроникновение этих идей: «Регулирование потребления вынуждает и определяет собою регулирование сбыта, затем и производства. Весь государственный капитализм Германии и др. стран есть не что иное, как результат внедрения военного коммунизма в новейшую капиталистическую систему, помесь двух типов. Этого не поняли до сих пор экономисты, - повторяет ученый, - благодаря тому, что им чужда идея и метод организационного анализа форм» [3].

А. А. Богданов задавался вопросом и о дальнейшем развитии государственного капитализма. Весьма глубоким представляется вывод, сделанный им для осмысления позднейшего авторитарного периода: «Как решается вопрос о дальнейшем развитии государственного капитализма? Для одних — очень просто: кончится война — и он отпадет. Это конечно, вульгарная точка зрения. Всякое жизненное приспособление, а особенно такого огромного масштаба, раз оно создано, имеет тенденцию сохраняться и после исчезновения породивших его условий, а устраняется, или даже видоизменяется не иначе, как действием каких-нибудь определенных, достаточных сил» [4, с. 80]. Вопрос о связи последующих авторитарных режимов с духом «военного коммунизма», как жизненного приспособления эпохи первой мировой катастрофы, кажется вполне законным: «дух» этот, конечно, нельзя удержать во временных рамках начала и окончания войны. «Военный коммунизм» мог быть подвержен всевозможным метаморфозам, но, очевидно, не мог умереть раньше причин его породивших — хронической милитаризации и экономической разрухи,

В заключение сам собой напрашивается вывод о поразительной актуальности богдановской социологической мысли. Для примера можно выбрать такой отрывок: «Бюрократическое регулирование, в силу своего авторитарного характера, склонно к застойности методов. Авторитарной принудительности всегда присущ дух консерватизма, стихийное тяготение к традиции, к шаблону; власть, авторитет враждебны „новшествам" и всяким переменам, потому что они усложняют задачу; в связи всякого экономического целого переделка или перестройка одной части неизбежно вызывают соответственные изменения в других частях, причем трудно учесть все результаты; возникает и элемент риска, угрожающего колебаниям самого авторитета» [4, с. 84-85].

Подведем короткий итог. Богдановская мировоззренческая база «военного коммунизма», выстроенная из различных источников, дана нами схематично. Сам А. А. Богданов вполне справедливо подчеркивал необходимость избегать заранее принятых догм, ориентации беспристрастного исследования на желаемые перспективы. Вместе с тем, те оригинальные мысли, которые, стараясь не затенять, мы собрали в статье, заслуживают, на наш взгляд, самого пристального внимания. Вопрос об эволюции «военно-коммунистического» («максималистского», как любил выражаться А. А. Богданов) мышления будет, очевидно, особо интересен психологам и философам.

В целом концепция «военного коммунизма» А. А. Богданова — одна из наиболее значимых попыток понять внутренний механизм эпохи, ирреальность которой не являлась для него тайной: «Военный коммунизм есть все же коммунизм; и его резкое противоречие с обычными формами индивидуального присвоения создает ту атмосферу миража, в которой смутные прообразы социализма принимаются за его осуществление» [4, с. 90].

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданов А. А. Тектология (Всеобщая организационная наука). В 2 кн. М.: Экономика, 1989.
2. Богданов А. А. Версальское устроительство. Стенограмма доклада и прений по нему, прочитанного на заседании Социалистической академии общественных наук 14 сент. 1922 г. // Вестник Социалистической академии. 1922. № 1.
3. Богданов А. А. Судьбы рабочей партии в нынешней революции // Новая жизнь. 1918. 26 янв. С. 2.
4. Богданов А. А. Вопросы социализма. М.: Т-во «Книгоиздательство писателей в Москве», 1918.
5. Богданов А. А. Тектология (Всеобщая организационная наука). М.: Экономика, 1918. Кн. 1.
6. Богданов А. А. Судьбы рабочей партии в нынешней революции // Новая жизнь. 1918. 27 янв. С. 2.